

МЕДИЙНЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ ГАЗЕТЫ «ВАШИНГТОН ПОСТ»)*

ТАМАРА ДАНИЕЛЯН

*Арцахский государственный университет,
аспирант кафедры иностранных языков,
г. Степанакерт, Республика Арцах (НКР)
tamara_danielyan@yahoo.com*

В данной статье мы рассматриваем медийный текст как объект лингвистической экспертизы. Целью исследования является распознавание ряда языковых средств, которые встречаются в политическом дискурсе медийного текста и перед которыми поставлены определенные прагматические задачи, такие как дискредитация, негативная оценка событий, диффамация, ложная денонация и т.д. В качестве объекта анализа представлена статья газеты «Вашингтон Пост» «Мир в Нагорном Карабахе спустя 20 лет после распада Советского Союза по-прежнему хрупок». Целостного метода лингвистической экспертизы еще не выработано, однако применение комплекса языковых приемов с различных ракурсов позволяет уточнить признаки объекта исследования, значимые для правовой квалификации речевых преступлений. В частности, среди различных способов речевого воздействия оказывается возможным выделение приемов речевой провокации, а среди высказываний с имплицитным смыслом – приемов, нацеленных на маскировку их содержания. В статье используется прагматический анализ, как один из методов лингвистической экспертизы. Проанализировав статью с прагматической стороны, мы можем сказать, что ЛЭ нацелена на распознавание и исследование определенных прагматических намерений.

Ключевые слова: *интертекстуальность, импликатура, диффамация, денонация, обсценизмы, инвективы.*

Печатные СМИ являются одним из наиболее важных **объектов** ЛЭ, т.к. СМИ используют все способы манипулирования и воздействия на массы, которые позволяют корректировать и проектировать массовое сознание и психику человека. В результате освещения событий у читателей складывается определенное представление об описываемых в статьях событиях, делах, личностях и т.д. Аккумуляция освещенных таким образом событий формирует у читателя собирательный образ той или иной страны. СМИ, используя различные языковые средства, продуктивно формируют имидж страны. Отсюда следует, что СМИ обладают значительным числом приемов воздействия на общественное сознание, к которым относятся и языковые методы манипулирования сознанием. Таким образом, эти материалы могут создавать негативное представление в отношении страны или определенной национальной группы, заниматься дискредитацией репутации этой страны. Одной из серьезных задач, стоящих перед издательством, работающим в жанре политического дискурса, является формирование образа страны и ее населения. Как правило, за этим стоят вполне прагматические цели, нередко весьма четко поставленные

---

* Հոդվածը ներկայացվել է 06.03.2020թ., գրախոսվել՝ 10.03.2020թ., տպագրության ընդունվել՝ 10.04.2020թ.:

руководством той или иной страны. Различные принципы могут быть положены в делении текстов СМИ на различные жанры:

- интенция (описание, информирование, реклама, высмеивание и т.п.),
- композиционные формы речи,
- образ автора (человек социальный – человек частный),
- модальность (объективная – субъективная),
- оценочность (скрытая – открытая).

Акцентируя наше внимание на публицистическом стиле, мы соотносим к нему такие жанры как аналитический, художественно-публицистический жанр, сатирический и рекламные жанры. Среди базовых тем, которые рассматривают современные СМИ, можно выделить политическую, социальную, экономическую, спортивную, медицинскую и пр.

Горшков отмечает, что каждая тема имеет свои строевые лексемы, которые в процессе создаваемого журналистом публицистического текста укладываются в определенную последовательность языковых единиц.³⁰¹

Одной из задач ЛЭ является выявление манипулятивных техник в печатных СМИ, с помощью которых автор пытается воздействовать на читателя. В жанре массовой коммуникации выделяются такие универсальные черты, характерные для публицистического стиля, как оценочность. Оценочность выступает в выборе и распределении фактов и феноменов действительности, в их описании с определенной точкой зрения, в соотношении позитивных и негативных составных частей, а также в специфических лингвистических средствах³⁰².

Различают имплицитные (закрывающиеся в значении слова) и эксплицитные (подходящие к употреблению слова) формы оценочности. Имплицитные оценки в публицистике – это метафоры, эвфемизмы. Солганик утверждает, что оценочные метафоры в публицистике должны организовывать общественное мнение, создавать у читателя нужный продуценту образ.³⁰³ В публицистических статьях мы часто встречаем языковые оценочные метафоры. Например, в статье «Вашингтон Пост» *«In Nagorno-Karabakh, peace elusive 20 years after Soviet fall»*³⁰⁴ автор дает метафоричную оценку мира в Нагорном Карабахе, прилагательным *«elusive»* прямо в заголовке, что означает нечто «хрупкое» и «ненадежное». В негативно окрашенном предложении *«Since then, no one on either side has had the will to hammer out a settlement»*, присутствует оценочная метафора *«to hammer out a settlement»*. Адресант мог бы использовать *«to reach a settlement»*, *«to make a settlement agreement»*, но намеренно использует *«to hammer out»*, чтобы показать на трудность урегулирования конфликта. В статье мы встречаем такие метафоры, как *«flourished corruption»*, *«inflamed passion»*, где метафоричность их стерта, и они не настолько яркие и непосредственны, как авторские оценочные метафоры. Авторские метафоры настолько красочны и неподдельны, что в газетном тексте они сразу привлекают внимание читателя. К примеру: *«But with snipers on both sides shooting at one another every day, occasionally causing casualties, and plenty of saber-rattling rhetoric, the chances of stumbling into a war of miscalculation, or a war of hotheadedness, are considerable»*. Автор хочет отметить, что есть большая вероятность начала войны из-за безрассудства или по ошибке, несмотря на бессмысленность угроз о войне. В медиатексте их сразу детектируют, поскольку для

³⁰¹ Горшков А.И., Русская стилистика. М.: Астрель, 2001. с. 160.

³⁰² Клушина Н.И., Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. сс.269–289.

³⁰³ Солганик Г.Я., О специфике газетно-публицистической метафоры // Журналистика и культура русской речи. М.: Изд-во МГУ, 2002. № 2. с. 36.

³⁰⁴ https://www.washingtonpost.com/world/20-years-after-soviet-fall-peace-elusive-in-karabakh/2011/07/20/gIOA8SFE8I_story.html

формирования образа в них используются двусмысленные, нелогичные, яркоокрашенные понятия.

Использование эвфемизмов – еще один публицистический прием нейтрализации негативного представления у читателя путем замены грубых слов на нейтральные. В газете с политическим дискурсом часто встречаются эвфемизмы для смягчения острых ситуаций. Их также называют политической корректностью. Политическая корректность – запрет оскорбительных слов или замена на нейтральные эквиваленты. Например, использование таких слов и словосочетаний как «*opposition*» вместо «*enemies*», «*escalation of conflict*» вместо «*conflict aggravation*». Также в газете мы можем встретить «*to take casualties*» вместо «*killed/murdered*». В предложении «*the subject remains, from politicians' point of view, a useful sore point*» выражение «*a sore point*» заменяет неприличный аналог «*disgusting subject that makes you embarrassed*».³⁰⁵

Основными отличительными чертами современного языка публицистики являются интертекстуальность, языковая игра, ирония. Интертекстуальность – это свойство текстов, заключающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут разными способами эксплицитно или имплицитно ссылаться друг на друга. Горшков определяет *интертекстуальность* как межтекстовые связи, содержащиеся в том или ином конкретном тексте, и которые выражены с помощью определенных словесных приемов отсылки к другому конкретному тексту.³⁰⁶ Клушина добавляет, что интертекстуальность успешна при условии, что фоновые знания адресата пересекаются с фоновыми знаниями адресанта. В этом случае и возникает эффект «узнавания» закодированного смысла.³⁰⁷

Как полагает Н.О. Гучинская, интертекстуальность – это также средство текстопорождения.³⁰⁸ Абсолютное истолкование текста невозможно реализовать в стопроцентном порядке, но задачей интерпретатора является максимально приблизиться к объяснению текста. И если любой текст – это одновременно «генератор новых смыслов и конденсатор культурной памяти»,³⁰⁹ то мы можем добавить, что любые идеи, зарождающиеся в тексте авторов, ссылаются на «культурный багаж» читателей, которые впоследствии интерпретируются ими же. Иными словами, взаимосвязанные идеи в тексте, которые понимаются, а затем и трактуются читателем, называется интертекстуальностью. Например, «*A renewal of the war would be a disaster for all concerned, unless it were very quick*», «*The two sides are much more heavily armed than they were in 1991*», «*It might be very difficult for Iran, Turkey and Russia to remain uninvolved*», все эти тезисы узнаваемы читателем и пассивно трактуются у него в голове. И хотя вывод из этих тезисов со стороны автора не предложен, для реципиента они считаются вескими аргументами, чтобы считать, что война между сторонами не устраивает не только тех, кто вовлечен в этот конфликт непосредственно, но и тех, кто косвенно с этим связан.

Другой прием публицистического стиля, на что обращает свое внимание лингвист-эксперт – *языковая игра*. Языковая игра заключается в привлечении внимания читателя через языковые шутки, юмор и остроту.³¹⁰ Парономазия – также популярный элемент

³⁰⁵ <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sore-point>.

³⁰⁶ Горшков А.И., Русская стилистика. М.: Астрель, 2001. с. 160.

³⁰⁷ Клушина Н.И., Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. сс.269–289.

³⁰⁸ Гучинская Н.О., Шпильманский эпос и проблема текстопорождения // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб.: Образование, 1993.с. 15.

³⁰⁹ Кузьмина Н. А., Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического языка, М., 1999. с. 21.

³¹⁰ Клушина Н.И., Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. сс.269–289.

языковой игры. Она привлекает читателя не столько одинаковым звучанием, сколько возможностью осмыслить слова по-разному. В предложении «*Tevan Poghosyan runs a think tank*» автор мог бы использовать «*think foundation*», «*think establishment*», но можно предположить, что было выбрано именно слово «*tank*» для усиления оттенка милитаризма. Это выражение звучит двусмысленно и поэтому на первый план выдвинута семантика слова, и хотя, в этом контексте, оно имеет иной смысл, но все же порождает двусмысленность из-за ассоциаций данного слова с воинственностью. В языковую игру вовлекаются аллюзии, контаминации, парадоксы, призванные при незначительной трансформации плана выражения привести к коренному изменению плана содержания.³¹¹ В изречении «*It will take another round of fighting, he said, to «steam» the poison out*» использована метафорическая аллюзия, которая передает сопутствующую информацию, о причинении вреда и неизбежности войны. В этом изречении аллюзивное слово вызывает негативные ассоциации у читателя, связанные с надобностью продолжения военных действий. Предложение «*We had nothing, and out of nothing we created something*» является типичным парадоксальным предложением со сложным смысловым содержанием, где имеет место последовательная алогичность. Парадокс используется для развития динамики языка в результате девиации языковых средств, реализованных в различных функциональных стилях речи.

С целью оскорбления в медийных публикациях часто используют иронию. По Шейгал, ирония является одним из средств словесной агрессии, хотя и наименее жестких.³¹² Ирония сродни таким категориям, как гротеск, пародия, остроумие, юмор, издевательство. В то же время главное отличие иронии – в ее скрытой природе. Ирония удалена от объекта иронии и косвенно демонстрирует его превосходство. Ироническое значение является ситуативной имплицатурой – выводом, к которому приходит получатель, интерпретируя прагматическое содержание высказывания в общении. Ирония оценочна, как метафора, но если оценка метафоры находится на поверхности, в «наземной» части рисунка (поскольку коннотации связаны с ее прямым значением, а метафора реализует только эти коннотации), то ирония, как речевой акт – это более сложное образование. Он формируется в результате взаимодействия иллокутивной силы простого речевого акта с ироническим намерением говорящего, ироничный речевой акт характеризуется большей сложностью и неоднозначностью. Есть ограничения на использование иронии, например, ирония неуместна к ритуальным действиям (не только на похоронах, но и на свадьбах), она неуместна по отношению к незнакомцам, пожилым людям или людям, стоящим выше в социальной иерархии, и т. д. Таким образом, оскорбительный потенциал иронии априори признается. В заголовке статьи «*In Nagorno-Karabakh, peace elusive 20 years after Soviet fall*» использована ситуативная ирония, которая придает ироничный смысл всему высказыванию. По данному высказыванию видно, что автор иронично не одобряет отсутствие мира даже после двадцати лет распада Советского Союза и что в Нагорном Карабахе все по-прежнему без перемен. Ирония может выражать не только насмешку, но и скрытое порицание, осуждение или неодобрение. Ирония автора может быть как явной, так и скрытой, ее понимание может зависеть от того, насколько образован читатель.

ЛЭ медийных текстов также имеет дело с высказываниями, которые дают негативную фактическую информацию об определенном человеке, такие как клевета или унижение чести. Например, декларативными заявлениями считаются утверждения о реальности как об объективной истине, когда нет признаков неопределенности говорящего, нет признаков субъективности высказываний. Выражения, которые содержат оценочные

³¹¹ Клушина Н.И., Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие / М.: Изд-во МГУ, 2003. сс. 269–289

³¹² Шейгал Е.И., Концепты и категории дискурса / Е.И. Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. трудов. - Волгоград : Парадигма, 2006. - сс. 30- 39.

суждения, рефлексию, отношение говорящего к вещам реальности и некоторые признаки субъективности, понимаются как *мнение*.³¹³ В случаях *клеветы* и унижения чести лингвист-эксперт может определить значение и содержание рассматриваемого высказывания, может сделать вывод, если в высказывании присутствует отрицательная информация об определенном лице, если оно сформулировано как *декларативное заявление* или как *мнение*, если в тексте есть пренебрежительные слова или фразы. Задача эксперта состоит в том, чтобы обнаружить и объяснить непристойность и выявить *диффамацию* в вышеупомянутых материалах. В статье заявление «*Seventeen years into its life as a de facto state, it harbors a prickly and zealous society*» может считаться диффамацией из-за выражения «*a prickly and zealous society*» – отрицательной информации об арцахском обществе, как о вражеском и раздражительном. Следует отметить, что *диффамация* (*клевета*) определяется как распространение недостоверной дискредитирующей информации. Клевета – это сообщение ложного заявления, наносящее ущерб репутации отдельного человека, бизнеса, продукта, группы, правительства, религии или нации. *Диффамация* – это ложное заявление, наносящее ущерб репутации отдельного человека, нации, страны, бизнеса, продукта, группы, правительства, религии или нации.³¹⁵

Заявление может быть клеветническим только в том случае, если оно ложно; следовательно, правдивые утверждения о других, независимо от причиненного ущерба, не являются клеветническими (хотя такие комментарии могут представлять другие виды нарушения неприкосновенности частной жизни или языка ненависти). В случаях клеветы в судебно-лингвистических целях важно различать *мнение, критику и высказывание*, поэтому лингвистически исследуется семантическая и синтаксическая структура высказывания и его обращения к человеку. Во вторую группу словесных преступлений входит ложная денонация. В вышеупомянутом случае лингвист-эксперт может определить значение и содержание рассматриваемого высказывания, может сделать вывод, если есть *утверждение, аффирмации, суждения, предположения, заявление или мнение*.³¹⁶ В заявлении «*The 2008 financial collapse wasn't easy on Armenia, and people tended to blame Karabakh for their troubles*» присутствует осуждение, но не прямое, а косвенное, в виде обвинения Карабаха со стороны армянского народа, хотя заявления не подкреплены количественными и качественными данными. В следующем заявлении «*The last two Armenian presidents were former Karabakh officials. During their years in office, corruption flourished*» присутствует необоснованное обвинение, где говорится о развитии коррупции, но сведения не поддерживаются достоверными фактами. Голев отмечает, что любой медиатекст, изначально не предназначенный для конфликта, может вызвать конфликт и подвергнуться лингвистической экспертизе. Поскольку существуют такие преступления, как клевета, подстрекательство, угроза, оскорбление и т. д., непосредственно связанные с языком, лингвисты участвуют в их квалификации. Общеизвестно, что «использование языка в социальной жизни человека всегда содержит потенциал «естественного оскорбления».³¹⁷ Лингвистическая экспертиза часто имеет дело с речевой агрессией. Многие авторы анализируют такое понятие, как *словесная агрессия* (Куликова, 2004; Брусенская, 2016; Иссерс, 2003; Куликова, Кузнецова, 2015). По мнению Л.В. Ениной,

³¹³ Бринев К.И., «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев ; под редакцией Н.Д. Голева. – Барнаул : АлтГПИА, 2009, стр. 109.

³¹⁴ <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/prickly>.

³¹⁵ LeRoy Miller R., Business Law Today: The Essentials. United States: South-Western Cengage Learning, 2011. p. 127

³¹⁶ Galyashina E. I., Forensic Linguistics in Legal Proceedings E. I., Lex Russica. -2016. - № 9. - pp. 136 - 145.

³¹⁷ Golev, N.D., General Problems of the Interaction of Natural and Legal Language, Linguistics and Law in Jurilinguistic-2: Russian Language in its Natural and Legal Existence. Barnaul: 2000, pp. 4-11.

речевая агрессия – это языковые средства, которые используются для выражения неприязни и враждебности, унижающие и оскорбляющее чье-либо достоинство и самолюбие.³¹⁸ Ю.В. Яковлева отмечает, что речевая агрессия может реализовываться в разных формах на лексическом, синтаксическом, стилистическом и дискурсивном уровнях. Например, на лексическом уровне – это использование негативизмов, обсценизмов, фамильярных обращений. На синтаксическом уровне – это риторические восклицания и вопросы, которые также приобретают агрессивный характер. На стилистическом уровне вербальная агрессия выражается стилистическими приемами – иронией и метафорическими выражениями. И высмеивание, отрицательные оценки действий, внушение и дискредитирование применяются на дискурсивном уровне.³¹⁹ Внимание было обращено на наиболее частые тактические действия, ведущие к коммуникативному конфликту – обида, оскорбление и клевета. Термин «оскорбление» был определен в кодексе как «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого человека, нации, выраженное в неприличной форме». То есть оскорбление как уголовное преступление имело две особенности: во-первых, заявление по своему содержанию должно унижать честь и достоинство другого лица и, во-вторых, должно иметь неприличную форму.³²⁰ Невозможно объективно описать правовые и языковые проблемы «оскорбления», ограничиваясь только лингвистическим или правовым пространством исследования. Научная проблема оскорбления и перлокутивного эффекта в языке и праве еще не получила адекватного освещения по ряду причин, наиболее важной из которых является то, что лингвистические методы правовой диагностики оскорбления не определены с достаточной степенью точности. Оскорбление является умышленным нарушением общепринятых правил. Проблема, однако, заключается в том, что это нарушение вызывает другой перлокутивный эффект. Очевидно, что решение лежит в часто статистическом пространстве. Если многие тексты, однородные по своей языковой природе, производят одинаковые прагматические эффекты, это указывает на общую закономерность, определяющую взаимосвязь формы и функции определенных языковых знаков.

Многие научные деятели – С.Г. Воркачев, Н.Д. Голев, А.В. Коряковцев, К.М. Рудкова, А.П. Сквородников, В. Химик, Б.Я. Шарифуллин и другие, исследовали лингвистические и правовые аспекты оскорбления. Были исследованы этнокультурологические особенности формирования и функционирования инвективного словаря в разных лингвокультурах; особенности языковой картины мира, связанные с функционированием обличительной речи в разных лингвокультурах. Для решения проблемы злоупотребления особое значение имеет вопрос о том, что является основным объектом анализа: словесные средства оскорблений (слова, грамматические формы и синтаксис) сами по себе, их функционирование в сознании отправителя речи, или они производят перлокутивный эффект в сознании реципиента.³²¹ С одной стороны, оскорбление является результатом использования некоторых «нелегальных» слов, которые теперь либо остаются вне лексикографии, либо получают соответствующие прагматические (стилистические) заметки, и эти заметки должны помочь регулировать речевое поведение (словарные примечания, конечно же, не предупреждают о юридической ответственности,

---

³¹⁸ Енина Л.В., Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М., 2002. – стр. 104–110.

³¹⁹ Яковлева Ю.В., Проявления речевой агрессии на страницах российских газет (полемика 2015 г. об опере «Тангейзер») // Медиаскоп. 2016. Вып. 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2098>.

³²⁰ https://ceur.ru/library/articles/lingvisticheskaja_jekspertiza/item134171/.

³²¹ Вежицкая А., Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. -М.: Прогресс, 1985. стр. 200-275.

но сообщают об ограничениях в нормативной коммуникации). С другой стороны, как показывает анализ реальных конфликтов, связанных с оскорблениями, сама ситуация не исчерпывается использованием словесных средств, в качестве источника самого оскорбления; таким источником является чувство оскорбления, т. е. языковое и этическое сознание адресата, который испытывает унижение и оскорбление. Например, информация, содержащаяся в тексте СМИ, может быть «оскорбительной» по отношению к чести, достоинству и деловой репутации данного лица. То есть решающим фактором в квалификации словесного преступления является не только значение, но и воздействие и реакция адресата. Установление факта злоупотребления и степени психологического и морального ущерба от злоупотребления является функцией языкового и этического сознания адресата, которое оценивает их на основании собственных представлений о нормативности (что, в свою очередь, обусловлено множеством социальных и языковых факторов). Однако оскорбление в основном связано с использованием определенной нецензурной (инвективной) лексики. Использование обцензизма раньше не было особым объектом лингвистических исследований, но теперь исследования в этой области становятся все более и более популярными. Существует множество работ, в которых непристойная лексика связана с концепциями катарсиса, исследованными как способ расслабления, как средство установления особо доверительных отношений и даже устранения социальной иерархии. Непристойная лексика (оскорбительная) – это национальная часть языка, которая строго запрещена (табу) и в то же время хорошо известна всем взрослым носителям языка (в отличие от жаргона, профессионализма, диалекта и т. д.). Основу нецензурной лексики в каждом языке составляют некоторые общеизвестные корни, периферия размыта, границы ее условны, но возможности образования дериватов из этих общеизвестных корней не ограничены. В статье³²² «Вашингтон Пост» автор использует инвективную лексику в описании Арцаха «*Tension has been put to use by those in power – in Azerbaijan, in Armenia proper and here in separatist Nagorno-Karabakh*», слово «*separatist*» является оскорбительным и встречается в контекстах вместе с такими словами как «*sabotage, subversion, disobedience*»³²³. В политической публицистике нередко встречаются инвективные выражения, использование которых является нарушением этических норм и правил приличия. Очень часто инвективы используются для деморализации, унижения и оскорбления оппонента.

Большинство исследований, касающиеся темы ЛЭ, посвящено делам о защите чести, деловой репутации и достоинства. Потому что поначалу лингвисты привлекались для судебной экспертизы, чтобы дать экспертную оценку речевых актов «оскорбления» и «клеветы». Однако из-за нестабильной социально-политической ситуации в мире все более актуальными становятся дела, касающиеся признания тех или иных действий экстремистскими. К ним, помимо прочего, относится создание и распространение так называемых потенциальных экстремистских публикаций СМИ, экстремистских лозунгов газетных статей, листовок, плакатов, печатных политических документов, выступлений по радио и телевидению, записей на электронных носителях, призывов и диалогов в социальных сетях, на интернет-форумах и т.д.³²⁴.

Исследовав ряд языковых и речевых приемов, встречающихся в газетных публикациях, мы можем сказать, что ЛЭ нацелена на их распознавание, а также анализ негативно-оценочных выражений в спорных или экстремистских текстах, а также в

322

https://www.washingtonpost.com/world/20-years-after-soviet-fall-peace-elusive-in-karabakh/2011/07/20/gIQA8SFE8I_story.html.

323

<https://www.merriam-webster.com/dictionary/separatist>.

324

Горбаневский М.В., О прикладной лингвистике в борьбе с экстремизмом [Электронный ресурс] // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. - URL: <http://siberiaexpert.com/publ/satti/stati/g/4-1-0-220>.

**ՄԵԴԻԱՅԻ ՏՊԱԳՐՎԱԾ ՏԵՔՍՏԸ ՈՐՊԵՍ
ԼԵԶԿԱԲԱՆԱԿԱՆ ՓՈՐՁԱԶԵՆՆՈՒԹՅԱՆ ԱՈՈՐԿԱ
(«ՎԱՇԻՆԳՏՈՆ ՓՈՍՏ» ԹԵՐԹԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ)**

ԹԱՄԱՐԱ ԴԱՆԻԵԼՅԱՆ

*Արցախի պետական համալսարանի
գերմանական լեզուների ամբիոնի ասպիրանտ,
բ.Ստեփանակերտ, Արցախի Հանրապետություն (ԼՂՀ)*

Հոդվածում մեղիա տեքստը դիտարկել ենք որպես լեզվական փորձաքննության առարկա: Ուսումնասիրության նպատակն է ճանաչել մի շարք լեզվական միջոցներ, որոնք տեղ են գտել լրատվական տեքստի քաղաքական դիսկուրսում և ունեն որոշակի պրագմատիկ խնդիրներ՝ վարկաբեկում, իրադարձությունների բացասական գնահատում, զրպարտություն, կեղծ դատապարտում և այլն: Որպես վերլուծության առարկա՝ ներկայացվում է «Վաշինգտոն Փոստ» թերթի հոդվածը՝ «Խաղաղությունը Լեռնային Ղարաբաղում 20 տարի անց՝ Խորհրդային Միության փլուզումից հետո, դեռևս փխրուն է»: Լեզվաբանական փորձաքննության համապարփակ մեթոդ դեռևս չի մշակվել, այնուամենայնիվ տարբեր տեսանկյուններից լեզվական հնարների կիրառումը մեզ թույլ է տալիս պարզաբանել ուսումնասիրության առարկայի հատկությունները, որոնք նշանակալի են խոսքի հանցագործությունների իրավական որակավորման համար: Մասնավորապես, խոսքի ազդեցության տարբեր մեթոդների շարքում հնարավոր է տարբերակել խոսքի սադրանքի տեխնիկաները և ենթադրյալ նշանակություն ունեցող արտահայտությունների շարքում՝ դրանց բովանդակությունը բողարկելուն ուղղված հնարները: Հոդվածում կատարվել է պրագմատիկ վերլուծություն, որը համարվում է լեզվաբանական փորձաքննության մեթոդներից մեկը: Հոդվածը վերլուծելով պրագմատիկ կողմից՝ կարող ենք ասել, որ ԼՓ-ն միտված է ճանաչելու և ուսումնասիրելու որոշակի պրագմատիկ մտադրություններ:

Հիմնաբաներ՝ միջտեքստայնություն, ենթատեքստ, զրպարտություն, դատապարտում, հայիդյանք, լուտանք:

**MEDIA PRINTED TEXT AS AN OBJECT FOR LINGUISTIC EXPERTISE
(BASED ON THE MATERIAL OF THE «WASHINGTON POST»)**

TAMARA DANIELYAN

*PhD student, the Chair of German Languages, ASU
Stepanakert, Republic of Artsakh*

In this article we consider the media text as an object of linguistic expertise. The aim of the study is to recognize a number of language means that are found in the political discourse of the media text and which have certain pragmatic tasks, such as discredit, negative assessment of events, defamation, false denunciation, etc. An article of the Washington Post “*In Nagorno-Karabakh, peace elusive 20 years after Soviet fall*” is presented as an object of analysis. A holistic method of linguistic expertise has not been developed yet, however, the use of language techniques from various angles allows us to clarify the characteristics of the study object that are significant for the legal qualification of speech crimes. In particular, among various techniques of speech action, techniques of speech provocation can be distinguished, and among statements with an implicit meaning - techniques aimed at concealing their content. In the article pragmatic analysis is used as one of the methods of linguistic expertise. Having analyzed the article from the pragmatic side, we can say that LE is aimed at detecting and examining certain pragmatic intentions.

Keywords. intertextuality, implication, defamation, denunciation, obscenity, invectives.